

Современные исследования переживания одиночества

Слободчиков И. М.*,
доктор психологических наук, профессор кафедры проектирующей психологии института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета

Статья посвящена обзору исследовательских работ в области психологии одиночества. Даётся представление об основных направлениях исследований в конкретный исторический период. Раскрываются положения основных теорий и гипотез 90-х гг. XX в. – начала XXI в. как зарубежных, так и отечественных исследователей. Представлены аспекты исследования одиночества в рамках психологии развития, социальной психологии, психологии творчества, психосемантики.

Ключевые слова: одиночество, исследование, представление об одиночестве, восприятие одиночества.

Предваряя разговор о современных взглядах на проблему одиночества и исследования в этой области, необходимо ввести некоторую информацию, уточняющую постановку и содержательную сторону вопроса исследования. С учётом исторических временных рамок будет правильно выделить четыре периода в изучении представляемого нами феномена.

Первый – с момента, условно говоря, существования человека до первых публикаций статей европейских философов экзистенциального направления. Этот период отличается отрывочными представлениями об одиночестве в основном на уровне частных рассуждений и отрывочными же упоминаниями в теологической и художественной литературе. Исключение

из правила на этом фоне представляет монументальный труд немецкого автора Й. Циммерманна 1785/1786 года издания – четырёхтомное описание «Über die Einsamkeit».

Второй берёт точку отсчёта от начала XIX столетия до начала (ориентировочно десятые–двадцатые годы) XX века. Он может быть назван периодом формирования философских основ изучения феномена одиночества. В этот период тема одиночества приобретает устойчивый характер в художественной литературе (Э. Золя, Ф. Достоевский и др.)

Третий – активного интереса к феномену одиночества со стороны психологов и представителей социальных наук – приходится на конец 30-х – середину 80-х г. прош-

* il-grant@mail.ru

лого века. Он может, опять-таки с известной долей условности, называться периодом фундаментальных исследований в области психологии одиночества. В этот период происходит закладка концептуальных оснований феноменологического исследования. На этот же период приходится большое число произведений художественной литературы, центральной темой которых является одиночество человека (А. Камю, Г. Гессе, Э. М. Ремарк, Г. Г. Маркес и др.). В отличие от двух предыдущих, третий период имеет чёткую начальную координату – 1938 год – публикация результатов исследования Зилбурга и его коллег в рамках психодинамической парадигмы.

Ч е т в ё р т ы й п е р и о д, берущий своё начало во второй половине 80-х г. XX века и продолжающийся по настоящее время, т. е. включающий в себя лишь последние 15 лет, может носить название периода частных теорий и прикладных разработок. С позиций сегодняшнего дня безусловное большинство авторов, освещающих проблему одиночества, сходятся на том, что одиночество связано с переживанием человеком его оторванности от сообщества людей, истории, семьи, природы, культуры. Нередко указывается, что современный человек ощущает одиночество наиболее остро в ситуациях интенсивного принудительного общения (развитие тезиса Рисмена «одинокая толпа»).

Большое внимание уделяется разработке, анализу, оценке эффективности социально-психологических и психотерапевтических методов помощи людям, остро переживающим одиночество. Кроме того, часть исследований затрагивает и общие, социально-философские аспекты одиночества. Несмотря на то, что на сегодняшний день в рамках научной литературы существует достаточное многообразие представлений об одиночестве, подходов к его рассмотрению, единого, целостного представления о феномене нет. Не существует, несмотря на имеющееся представление об особенностях проживания одиночества в различные возрастные периоды, и связанного представления о возрастных закономер-

ностях. Более того, в такой постановке вопрос не звучит практически ни в одном исследовании.

Таким образом, отмечая тенденцию к расширению и углублению изучения одиночества как предметной области, прежде всего в рамках отечественной психологической и социальной науки (за последние десять лет число работ, посвящённых не просто констатации того или иного факта, описания состояния либо процесса в связи с одиночеством, но действительно изучающих его в рамках разнонаправленной проблематики, увеличилось в разы), необходимо констатировать факт, что психология одиночества как особая отрасль научного исследования находится на начальных стадиях своего развития.

Говоря о западной научной мысли в контексте психологических исследований сегодняшнего дня, важно констатировать, что существенных изменений по сравнению с периодом углублённых исследований 40-х – начала 80-х г., не произошло. Получили своё дополнение и определённое развитие гипотезы и предположения с позиций когнитивного подхода (Perlman, Perlau, 1985, 86). Активно формировалась эмпирическая база исследований в рамках социологических теорий (Shaver, Freedman, 1984, Russel 1987). Было продолжено описание проблем общения, касающихся возрастных групп (Rubin, Putallaz, Gottman 1980, 1981–1983, 1988, K. Rosaren 1989, 1990–1991, L. Cesk, G. Broderic 1992–1995).

Отдельного упоминания заслуживают направления исследований, связанные с изучением одиночества в пространственно-временных рамках.

Так, Карл Голдберг в своей статье «Одиночество как нарушение восприятия времени» [2] исходит из того, что основными составляющими нашего осознания времени являются стремление к заботе, воспитанию кого-либо другого. По его мнению, одиночество – это нарушенное восприятие времени: потребность в заботе, не удовлетворённая в течение долгого времени. Голдберг отмечает:

«...одиночество – это, своего рода, отказ от момента настоящего, от его возможностей и требований. Потеря этого настоящего и приводит к нарушенному взгляду на время: ощущение того, что настоящее замерло, оно бесконечно и не имеет будущего. Это нарушенное восприятие времени ослабляет способность субъекта к межличностному общению, что еще более усугубляет чувство одиночества» [2].

В своей работе К. Голдберг апеллирует, в частности, к работам французского философа и естествоиспытателя Генри Бергсона (Bergson, 1998), описавшего время как «сердце бытия». Соглашаясь с ним, этот ученый отмечает:

«...самые глубокие человеческие переживания в большей степени связаны со временем, чем, например, с пространством. Они находятся где-то в континууме от «Хочу, чтобы это никогда не заканчивалось!» до «Я больше этого не выдержу!» [2, с. 7].

К. Голдберг выделяет три временных характеристики онтологического нарушения:

- 1) вина (прошлое);
- 2) стыд (настоящее);
- 3) предвосхищающее опасение (будущее).

Вина воспринимается как поведение, бывшее, совершенное. Стыд, в его понимании – чувство неуверенности и «...бесцеремонности ... время застывает, становится бесконечным и спрятаться от этого негде» [2, с. 8]. Он использует также категорию «предвосхищающее опасение» как «...преследование субъекта чувством предопределенности в будущем» [2, с. 8]. При всей ценности работы Голдберга она крайне противоречива в суждениях и выводах, содержит множество неопределённо толкуемых понятий.

П. Хартоколис (Hartocolis, 2001, 2003) также отмечает, что одиночество есть нарушенное осознание времени, рассматривая, однако, этот факт в рамках экзистенциальных представлений. С его точки зрения:

«...одиночество – это отказ от настоящего, от его возможностей и требований...» и именно поэтому «...одиночество является экзистенциальной проблемой. В течение жизни мы понимаем, что наше существование быстро проскальзывает мимо. Когда мы довольны, нам хочется приостановить время, уважать каждое его проявление, но большинство из нас понимает, что не знает, как это сделать. И наоборот, когда мы в заключение, одиноки, страдаем или боеем, время течет слишком медленно, его ограничение тяжело давит на нас». Мы поглощены перспективой на будущее, отмечает он, которое «...пронизано всепоглощающим чувством вины и беспомощности, которое, как кажется, будет длиться вечно. Чувство постыдной беспомощности в одиночестве является мерой одиночества...» (<http://www.psychology.ru>).

Рассматривая склонность к одиночеству с позиций гуманистической психологии, Дж. Коен, продолжая линию исследований А. Маслоу, отмечает, что одиночество есть не что иное как производная серии неудовлетворенности субъекта отношениями с важными другими:

«Младенец одинок, если он испытывает недостаток нежности и контакта с матерью. Ребенок одинок без родительского участия в играх и беседах. Подросток одинок, если он отвергается сверстниками».

Акцентируя момент переживания одиночества в юношеском возрасте, Коен пишет:

«... Наиболее острое одиночество испытывается в юношеском возрасте с приходом потребности в интимном общении с другим человеком. Любой компаньон лучше, чем никакого, потому что одиночество хуже беспокойства. Мы предпочитаем привязываться к кому-либо, кого мы ненавидим, чем жить в изоляции. Горький вкус одиночества искажает представления как самого

субъекта, так и других людей. В итоге, получается персона, не способная адекватно взаимодействовать с другими». (<http://www.psychology.ru>)

Мысль, высказываемая Коеном, не нова, однако именно его взгляды можно рассматривать в рамках представлений об одиночестве с позиций западных психологических школ как основание для возрастного анализа этого явления.

С начала 90-х гг. исследования российских авторов в области психологии переживания одиночества постепенно принимают характер системы, происходит их углубление, актуализация отдельных аспектов исследуемого феномена. В период с 1990 по настоящее время защищено более десяти диссертационных работ в контексте изучаемой проблематики, в том числе две докторские диссертации.

Предваряют работы 90-х два исследования, написанные ранее, а именно – работа Г.Н. Колесникова «Общение и обособление личности как общесоциологические категории» (канд. филос. наук, ЛГУ, 1978), написанная в рамках классических исследований проблемы общения, носит характер организующий, в определённой степени систематизирует сам процесс общения и варианты его нарушения. Обособление как категория исследуется в свете социальных ситуаций и причинных атрибутов поведения субъектов.

Защищённая в 1987 г. Усманом Ахматов Ибрагимом диссертация на соискание степени кандидата психологических наук «Развитие проблемы обособления и отчуждения как механизма онтогенеза личности в возрастной психологии» долгое время являлась единственным исследованием в данной проблемной области, охватывающим большой возрастной период (детство – подростничество – юность) и рассматривающим общевозрастные закономерности формирования состояния.

Следует отметить, что, начиная с 1992 г., активно возрастает интерес ученых к данной проблематике.

1992 год – Тихонов Г.М. «Феномен одиночества: опыт философско-социологичес-

кого анализа», канд. филос. наук, Екатеринбург;

1995 – Ветров С. А. «Отчуждение в трансформируемом обществе», канд. психол. наук, Омск;

1995 – Дьяченко И. С. «Демонстрируемые и скрывающиеся качества в системе личности», канд. психол. наук, Москва;

1995 – Пузанова Ж. В. «Одиночество: опыт социально-философского анализа», канд. филос. наук, Москва;

1995 – Куртиян С. В. «Одиночество как социальное явление», канд. соц. наук, Москва;

1995 – Старовойтова Л. И. «Одиночество: социально-философский анализ», канд. филос. наук, Москва;

1995 – Черепухин Ю. М. «Социальные проблемы мужского одиночества условиях крупного города», канд. соц. наук, Москва;

1996 – Покровский Н. Е. «Одиночество и аномия», докт. соц. наук, Москва;

1996 – Приходько Д. Н. «Отчуждение и пути его преодоления», дисс. в виде доклада, докт. филос. наук, Томск;

1996 – Долгинова О. Б. «Одиночество и отчуждённость в подростковом и юношеском возрасте» канд. псих. наук, Санкт-Петербург;

Трубникова С. Г. «Психология одиночества: генезис, виды, проявления», канд. психол. наук, Москва;

Першеина Н. В. «Психология одиночества у законопослушных и криминальных подростков, канд. психол. наук, Москва;

1999 – Николаева Н. А. «Понимание и переживания изолированности в юношеском возрасте», канд. психол. наук, Москва;

Слободчиков И. М. «Социально-педагогическое прогнозирование одиночества как средство предупреждения дезадаптивного поведения подростка», канд. пед. наук, Екатеринбург.

2002 – Кирпиков А. Р. «Позитивные аспекты переживания одиночества в подростковом возрасте», канд. психол. наук, Москва.

Пик научного интереса и интенсивности исследований приходится на 1995 г.

Кратко охарактеризуем некоторые из работ.

Диссертационное исследование И.С. Дьяченко (1995) затрагивает обсуждаемые здесь вопросы в контексте анализа качеств личности и ситуаций их проявлений.

Исследования С.В. Куртиян (1995) и Л.И. Старовойтовой (1995) посвящены анализу одиночества как социального явления, последняя диссертация дополняется также детальным анализом существующих в контексте социальной истории и философии теорий, подходов и взглядов на проблему, что ценно с точки зрения разработки онтологических основ феноменологического исследования.

Диссертация Ю.М. Черепухина (1995) до сих пор остаётся единственным исследованием, основой которого является гендерный проблемный анализ.

О.Б. Долгинова (1996) сделала заслуживающую внимания попытку возрастного сравнительного анализа понятий. Опираясь на существующую теоретическую базу и приводя данные развёрнутого эмпирического исследования, она, тем не менее, останавливается на привычном, традиционном, достаточно ограниченном понимании одиночества как содержательного переживания в рамках формальных ситуаций.

Отдельно необходимо остановиться на диссертационной работе, выполненной Н.Е. Покровским (1996). Данная работа является единственным фундаментальным исследованием в области комплексного анализа зарубежных теорий и подходов к представлению об одиночестве.

С.Г. Трубникова, трактуя одиночество как «... психическое явление, которое может быть классифицировано как субъективное психическое состояние ...», вводит новую видовую классификацию, выделяя отчуждающее и самоотчуждающее одиночество, а также уединённость. Сама постановка вопроса указывает на принципиально отличную от общепринятых точку зрения. Согласно автору, «... первый вид состояния одиночества связан с преимущественным действием механизмов обособления в психологической структуре личности,

крайней формой которых выступает отчуждение...», самоотчуждающее одиночество, второй вид состояния «... обусловлен преимущественным действием механизмов идентификации в психологической структуре личности. В результате этого человек, привыкая отождествляться с другими людьми, группой и постепенно теряет своё «Я», которое становится чуждым, непонятным и пугающим». И далее: «так как доминирование одной тенденции не означает полную блокировку другой, то механизмы обособления также проявляют себя, но диапазон их действия крайне узок и определяется границами собственного «Я»...». Исследование С.Г. Трубниковой проводилось в рамках практики психологического консультирования, что в известной степени объясняет его специфику и ограниченность переноса результатов на выборку более широкого социального диапазона.

Завершая анализ диссертационных научных работ в области психологии одиночества, необходимо констатировать следующее: абсолютное большинство исследователей в качестве теоретико-методологической основы избирают совокупность имеющихся теорий, гипотез и подходов западных школ, нет расхождений также и в социально-философских кардинальных парадигмах, ими являются разновидности теорий экзистенциальной философии. Абсолютное большинство диссертантов придерживаются также и общепринятой системы взглядов на одиночество, рассматривая его не столько как феномен, сколько как следственное (по отношению к социальным процессам) временное и преимущественно непозитивное состояние. Собственная, отличная от известных трактовка понятия имеется лишь в работах Г.М. Тихонова, С.Г. Трубниковой. Однако даваемые ими определения несут не конкретный (Г.М. Тихонов), а частно-прикладной (С.Г. Трубникова) характер. Возрастные аспекты переживания освещаются в работах О.Б. Долгиновой, М.В. Ермолаевой, гендерный подход представлен в работе Ю.М. Черепухина.

Тем не менее, необходимо указать как

на безусловную важность и ценность всех выполненных диссертационных работ само обращение к теме переживания одиночества, представление и анализ различных его граней, исследование социального контекста его переживания.

Диссертационные исследования рассматриваемого периода были отнюдь не единственным направлением освещения проблемы одиночества. Вопросы, непосредственно связанные с проблематикой одиночества, затрагивались в статьях и книгах: В. В. Абраменковой (1990), Ю. М. Швабла, О. В. Дончевой (1990, 1991), К. А. Абульхановой-Славской (1993), Х. Алиева (1993), В.А. Андрусенко (1993, 1995), Е. П. Крупника (1994, 1995), И. Ю. Малисовой (1995), А.Д. Спирина (1995), Н. В. Хамитова (1995), А. А. Асмолова (1996), Р. К. Карнеева (1996), Н. И. Конохова (1996), В. Т. Лободина (1996), Г. В. Адамовича (1996), Ж. В. Пузановой (1996), А. С. Маркона (1997), Т. С. Чуйковой (1998) и др.

Н.В. Хамитов, рассматривая проблему одиночества в контексте собственного метода исследования – андрогин-анализа – представляет оригинальную ее трактовку:

«Если в начале XX века центральной была проблема вытесненных сексуальных желаний и невротических состояний, то на сегодня проблема совершенно иная, и связана она с одиночеством. Одиночеством на фоне гиперреализованных желаний. Люди вдруг ощутили, как скрытое, подавленное одиночество стало явным». Рассматривая далее посттоталитарное общество, он пишет: «...обострение чувства одиночества связано с тем, что государство перестало быть той большой матерью, которая всех содержит в своем лоне...» [5, с. 57–58].

Проблема актуализации одиночества в представлении Н. Хамитова – это прежде всего проблема разрешения дилеммы свобода-ответственность:

«...Человек знал, что отдает государству свою свободу, а взамен получает социальную и психологи-

ческую защиту вкупе с освобождением от ответственности», ситуация сегодняшнего дня осознаётся как ситуация «острого одиночества». Рассматривая проблему власти, он отмечает, что «...власть...представляет собой попытку суперкомпенсировать одиночество, которая на деле приводит к ощущению одиночества космического». Согласно взглядам Хамитова, «...антитезой одиночеству является не общение (оно может только отягчить ситуацию), а любовь» [5, с. 57–58].

Анализируя цитируемую выше работу, несложно отметить значительное влияние на автора взглядов социальных философов экзистенциального направления, прежде всего Ж.-П. Сартра. Вместе с тем представление об одиночестве Н. Хамитова, принципиально не расходясь с существующими теоретическими воззрениями, освещает иной аспект – проблему одинокого человека в закрытом обществе.

Исследование проблемы одиночества представляется крайне актуальным в контексте особенностей развития общества XXI века. Качественные изменения элементов культуры, протекающие с высокой скоростью, высокая степень расслоения общества, разобщенность людей в больших городах, недостаточность глубоких эмоциональных контактов – на это и многое другое обращают внимание авторы, исследующие предпосылки к развитию одиночества в контексте культуры присутствует в работах Ф.Г. Майленовой (2001), Л.Ф. Новицкой (2000), Л. А. Колесниковой (1997, 1998), В. Молчанова (1998), Т. В. Власовой, В. И. Пузко (1995). В статье «Культура и возможность преодоления одиночества современного человека» Л.Ф. Новицкая (2001), давая культурологический анализ явления, в частности указывает: «...Одиночество «человека в толпе» означает то, что он не «нашел» себя (или потерял?), что связи его с культурой если и есть, то не-сущностные» [6, с. 4].

Анализируя текст Г. Гессе «Игра в бисер», В.И. Пузько сопоставляет одиночество с экзистенциальным неврозом:

«...многие люди, ощущающие себя относительно здоровыми и не нуждающиеся в психотерапии, страдают от одиночества и от некой опустошенности души. Последний вариант – неклинический, экзистенциальный невроз...» [7, с. 43–44].

При этом, ссылаясь на работы И. Ялома, Ф. Перлза, он возвращается к ранее отмечавшемуся нами ограничению, вводу жёстких формальных рамок состояния-диагноза.

В. Молчанов в работе «Одиночество и коммуникативность знака» возвращается к философским основаниям рассмотрения одиночества, центром его исследований является анализ представлений Э. Гуссерля. Экскурс подобного плана делает и Г.А. Назлоян, отмечая:

«Пафос экзистенциальной философии от С. Кьеркегора до М. Бубера и А. Камю порождает представление об одиночестве как об отсутствии диалога человека с внешним миром на уровне чувственного восприятия. Однако здравый смысл заставляет нас видеть в каждом состоянии индивида и даже в каждом временном срезе его жизнедеятельности одновременное присутствие и одиночества (в плане диалога с самим собой), и слияние с внешним миром...» [8, с. 114–115].

Однако, рассматривая одиночество в рамках психопатологии, он далее проводит анализ одиночества в ключе клинической психиатрии:

«...Было выдвинуто предположение, что признаки отчуждения присутствуют при каждом психическом и психосоматическом расстройстве. На наш взгляд, это наиболее ради-

кальная точка зрения. Она не встречается в психодинамическом и феноменологическом подходах, рассматривающих проблему одиночества под углом зрения патологии. Одиночество в нашем представлении является коренным, сущностным свойством любого психического нарушения, водоразделом между нормой и патологией в психиатрии» [8, с. 136]. М. Литвак, разделяя эту точку зрения, подчеркивает: «...чувство одиночества является обязательным симптомом невроза, не всегда осознаваемым, но всегда имеющим тяжелые последствия...» [9, с. 3], вместе с тем он отмечает: «...это чувство является непрямым свойством личности» [9, с. 3].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в свете современных представлений об одиночестве могут быть выделены две тенденции в его изучении:

- первая – трактовка одиночества как психического состояния или субъективного переживания;
- вторая – представление об одиночестве как преимущественно негативном состоянии и переживании.

Необходимо отметить также устойчивое внимание к вопросам развития системы мер профилактики и преодоления негативных последствий переживания одиночества.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в рамках научной литературы существует достаточное многообразие представлений об одиночестве и особенностях его проживания в различные возрастные периоды, до сих пор нет единого, целостного представления об этом феномене, так же как нет и связного представления о возрастных закономерностях проживания и переживания одиночества.

Литература

1. *Голдберг К.* Одиночество как нарушение восприятия времени // Journal of Contemporary Psychotherapy. Vol. 31, 2001. № 4.
2. *Лабиринты одиночества* / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М., 1987.
3. *Литвак М. А.* Одиночество как невроз // Школьный психолог. 2004. № 44.
4. *Молчанов В.* Одиночество и коммуникативность знака. М., 2000.
5. *Назлюян Г. А.* К концепции патологического одиночества. М., 2000.
6. *Новицкая Л. Ф.* Культура и возможность

преодоления одиночества современного человека. Л.

7. *Пузько В. И.* Экзистенциальный невроз как бегство от одиночества // Материалы научной конференции «Теология, философия и психология одиночества». Владивосток, 1995.
8. *Трубникова С. Г.* Психология одиночества: генезис, виды, проявления. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999.
9. *Хамитов Н. В.* Одиночество женское и мужское. Киев, 1995.
10. *Zimmermann J. G.* Über die Einsamkeit. Troppau, 1785–1786. Т. 1.

Contemporary Studies of Loneliness

I. M. Slobodchikov,

Ph.D. in Psychology, professor at the Department of Projective Psychology at the L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities

The article reviews studies in psychology of loneliness and characterises the main modern research tendencies. It explores the main theories and hypotheses concerning loneliness put forward both by Russian and foreign researchers at the end of the 20th century and at the beginning of the 21st. The aspects of studying loneliness within the framework of developmental psychology, social psychology, psychology of creativity and psychosemantics are given as well.

Keywords: loneliness, research, notions about loneliness, perception of loneliness.

References

1. *Goldberg K.* Odnochestvo kak narushenie vospriyatiya vremeni // Journal of Contemporary Psychotherapy. Vol. 31. 2001. № 4.
2. *Labirinty odinochestva: Per s angl. / Sost., obsh. red. i predisl. N. E. Pokrovskogo.* M., 1987.
3. *Litvak M.* Shkol'nyi psiholog. 2001. № 44.
4. *Molchanov V.* Odnochestvo i kommunikativnost' znaka. M., 2000.
5. *Nazloyan G. A.* K koncepcii patologicheskogo odinochestva. M., 2000.
6. *Novickaya L. F.* Kul'tura i vozmozhnost' pre-

odoleniya odinochestva sovremennogo cheloveka. L., 2001.

7. *Puz'ko V. I.* Ekzistencial'nyi nevroz kak begstvo ot odinochestva // Materialy nauchnoi konferencii «Teologiya, filosofiya i psihologiya odinochestva». Vladivostok, 1995.
8. *Trubnikova S. G.* Psihologiya odinochestva genezis, vidy, proyavleniya. Avtoref. kand. psihol. nauk, M., 1999.
9. *Hamitov N. V.* Odnochestvo zhenskoe i muzhskoe. Kiev, 1995.
10. *Zimmermann J. G.* Über die Einsamkeit. Troppau. 1785–1786.

Влияние занятий музыкой на развитие пространственных и кинетических функций у детей младшего школьного возраста

Глозман Ж. М.*,

*доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник факультета
психологии МГУ им. М. В. Ломоносова*

Павлов А. Е.**,

*аспирант факультета психологии МГУ
им. М. В. Ломоносова*

В статье анализируются факторы, влияющие на формирование высших психических функций в младшем школьном возрасте. Показана роль музыкальной деятельности в активизации психической деятельности человека, формировании его речевых и мнемических функций. Приведены психофизиологические данные о влиянии занятий музыкой на развитие различных мозговых структур. Экспериментально доказано положительное влияние обучения музыке (как игре на фортепьяно, так и на флейте) на развитие кинетических и пространственных функций ребенка, имеющих первостепенное значение для успешного обучения в школе.

Ключевые слова: музыка и психика, пространственные и кинетические функции ребенка, успешность обучения в школе.

Музыка и психика

Музыкальная деятельность занимает важное место в психической жизни человека [2, 6]. Есть данные, что уже на последних месяцах внутриутробного развития плод человека дифференцирует громкость, темп, ритм воспринимаемой им музыки; отвечает условными рефлексиями на музыку, по-разному реагируя движениями на «любимые» и «нелюбимые» произведения [5]. Обнаружены корреляции в структуре музыкальной и речевой деятельности [24], в

функционировании и мозговой организации семантической и музыкальной памяти [27]. Средневековый мыслитель Востока Абу Насра аль-Фараби (870–950) писал, что музыкальное искусство больше всего способствует обретению совершенства человека. Музыка активизирует жизнедеятельность человека через эмоциональную сферу [1]. Многие считают способности к восприятию гармонии и ритма не только сформированными, но и изначально присущими человеческому мозгу вследствие «нейронного резонанса» [18, 19].

* Glozman@mail.ru

** sanekpav@mail.ru